

Краткосрочные эффекты пандемии COVID-19 на занятость и доходы населения России: какие группы населения пострадали сильнее?

Марина А. Карцева¹, Полина О. Кузнецова¹

¹ *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, 119571, Россия*

Получено 15 July 2021 ♦ Принято в печать 15 September 2022 ♦ Опубликовано 8 December 2022

Цитирование: Kartseva MA, Kuznetsova PO (2022) Short-term effects of the COVID-19 pandemic on employment and income of the Russian population: which groups were affected the most? Population and Economics 6(4): 21–42. <https://doi.org/10.3897/popcon.6.e90410>

Аннотация

В работе анализируются краткосрочные факторы потери работы, снижения заработной платы работников и факторы сокращения доходов домохозяйств в России в условиях коронавирусного кризиса. Эмпирической основой работы являются панельные данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Согласно результатам работы, наибольшие риски потери работы отмечаются для женщин, молодых работников, неквалифицированных работников, работников без профессионального образования, работников с низкой оплатой труда. Однако практически единственным фактором снижения зарплаты (при сохранении занятости) является занятость в наиболее пострадавших отраслях. Ключевыми детерминантами снижения доходов домохозяйств являются доходы домохозяйства до пандемии — чем выше уровень обеспеченности, тем выше риск снижения доходов. Повышенная вероятность падения доходов наблюдается также для семей с детьми.

Исследование подтвердило гипотезу о негативном влиянии уязвимости занятости на занятость и трудовые доходы индивидов, а также на доходы их домохозяйств.

Ключевые слова

COVID-19, коронавирус, уязвимая занятость, заработная плата, доходы домохозяйств, РМЭЗ НИУ ВШЭ

Коды JEL: J21, J31, I31

Введение

Пандемия COVID-19 затронула все сферы жизни людей, замедлила развитие экономики, обострила социальные проблемы. Предпринимаемые правительствами меры по сдерживанию распространения заболевания (временное закрытие предприятий и организаций, ограничения мобильности, локдауны, карантинные меры) послужили толчком к началу экономического кризиса, сравнимого по масштабу с кризисами, вызванными мировыми войнами [World Bank, 2022]. По оценкам экспертов, уже в 2020 г. спад мировой экономики составил 3% [IMF, 2021].

Драматическое влияние пандемия оказала на рынок труда. Согласно данным Международной организации труда, по сравнению с 2019 г. в 2020 г. общее количество рабочих часов в мире сократилось на 8,8%, что соответствует сокращению 255 млн позиций с полной занятостью. Общий трудовой доход за этот период сократился на 8,3% [ILO, 2021]. Однако влияние кризиса неравномерно и существенно зависит от характеристик места занятости до пандемии и социально-демографических характеристик работников. В частности, в значительно большей степени оказались затронутыми новым коронавирусным кризисом работники наиболее пострадавших от эпидемии отраслей — транспорта, строительства, культуры, досуга и развлечений, физической культуры и спорта, туризма и гостиничного бизнеса, общественного питания, бытовых услуг [ILO, 2021; Eurostat, 2020; Adams-Prassl et al., 2020; Béland et al., 2020; Lopes, Carreira, 2022]. Относительно высокий риск потери работы/сокращения трудовых доходов отмечается у работников с низким уровнем образования и квалификации, с низкой оплатой труда, а также у молодых работников — этот результат подтверждается как на глобальном [ILO, 2021; Eurostat, 2020], так и на национальном уровне [Adams-Prassl et al., 2020; Alstadsæter et al., 2020; Aum et al., 2020; Bradley et al., 2021; Couch et al., 2022; Mongey et al., 2021; Pouliakas, Branka, 2020; Yasenov, 2020].

Характерной особенностью коронавирусного кризиса стало устойчивое сокращение занятости/трудового дохода женщин, хотя обычно в случае рецессии снижение занятости в большей степени затрагивает мужчин [ILO, 2021; Eurostat, 2020; Adams-Prassl et al., 2020; Alon et al., 2020; Albanesi, Kim, 2021; Dang, Nguyen, 2021; Webster et al., 2022]. Большую нестабильность занятости женщин в условиях пандемии исследователи связывают с обострившимся во время пандемии конфликтом работа — семья: в условиях карантинных ограничений объем домашнего труда, выполняемого в основном женщинами (уход за детьми, приготовление еды, уборка и т.п.), резко увеличился. Женщины были вынуждены адаптировать свою занятость на рынке труда к возросшим потребностям семьи. Основными стратегиями адаптации для женщин являлись сокращение рабочих часов, переход на работу с гибким графиком с потерей заработной платы. Кроме того, по сравнению с мужчинами женщины чаще имеют работу, связанную с тесным контактом с людьми (например, торговля, общественное питание, туризм, бытовое обслуживание), то есть в тех отраслях, которые в большей степени пострадали из-за пандемии.

Ухудшение ситуации на рынке труда негативно отразилось на благосостоянии домохозяйств: уже в июле 2020 г. снижение доходов отмечалось у 40% домохозяйств в странах с высоким уровнем дохода и у 65%–70% домохозяйств в странах со средним и низким уровнем дохода [World Bank, 2022]. В исследовании [Bundervoet et al., 2021] показано, что в развивающихся странах доходы сократились у 64% семей. Снижение доходов домохозяйств в результате пандемии в отдельных странах/группах стран также отмечается в работах [Christelis et al., 2020; Kansime et al., 2021; Pinkovetskaia, 2022; Morgan, Trinh, 2021]. Важнейшим фактором падения доходов при этом является наличие в домохозяйстве человека, положение которого на рынке труда ухудшилось в результате пандемии (например, [Morgan, Trinh, 2021]). В ряде исследований [Vilar-Compte et al., 2022; Alstadsæter et al., 2020] отмечается, что с точки зрения социально-демографического состава наиболее уязвимыми в условиях пандемии оказались семьи с не-

совершеннолетними детьми — для них риск снижения доходов оказался выше, чем для семей без детей. Существуют свидетельства того, что большие риски снижения доходов испытывают семьи, имевшие низкий уровень материальной обеспеченности до пандемии [Almeida et al., 2022; Vilar-Compte et al., 2022; Morgan, Trinh, 2021 (для Филиппин)], однако другие исследования не выявили значимого влияния уровня доходов до пандемии на риск снижения доходов [Morgan, Trinh, 2021 (для всех стран ASEAN, кроме Филиппин); Long et al., 2021].

Как и в других странах, в России пандемия COVID-19 привела к экономическому спаду. Согласно данным официальной статистики [Росстат, 2022] по сравнению с 2019 г. в 2020 г. ВВП России сократился на 2,7%, а реальные доходы населения — на 1,4%. Уровень занятости населения за этот период снизился с 59,8% до 58,4%, а уровень общей безработицы вырос с 4,6% до 5,8%. В то же время реальная среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций в 2020 г. выросла на 3,8%. Однако этот показатель не позволяет в полной мере судить об изменении уровня заработной платы в стране, так как учитывает лишь работников организаций и не включает информацию о занятых вне организаций (индивидуальных предпринимателях, физических лицах и др.). Кроме того, данные официальной статистики не позволяют провести анализ изменения занятости и доходов отдельных социально-демографических групп населения.

Объем научных работ, посвященных оценке эффекта пандемии коронавируса на показатели занятости и доходов населения в России, невелик, что в большой степени связано с ограниченностью эмпирических данных. В работе [Гимпельсон, 2021] показано, что демографические характеристики работника, такие как пол, возраст, уровень образования, наличие детей, не влияют на риск снижения заработной платы. Определяющими факторами снижения зарплаты являются вид деятельности (для занятых в строительстве, транспорте, торговле, услугах риск снижения трудового дохода выше) и место проживания (зарплата чаще снижалась у работников, проживающих в Москве и Санкт-Петербурге). Результаты исследования [Тихонова, 2021] свидетельствуют о том, что влияние пандемии на занятость и экономическое положение варьирует для различных профессиональных групп работников. При этом с наиболее тяжелыми последствиями кризиса сталкиваются представители рабочих профессий, тогда как положение специалистов с высшим образованием на рынке труда оказалось более устойчивым.

Изменение доходов домохозяйств в течение первого года пандемии анализируется в работе [Пришина, 2021]. В качестве индикатора снижения доходов в ней используется субъективная оценка динамики доходов, данная респондентами в ходе опроса. Показано, что в 2020 г. семейные доходы снизились более чем у половины опрошенных, при этом более высокие риски падения доходов наблюдаются для лиц, проживающих в домохозяйствах с несовершеннолетними детьми, а также для жителей Москвы и Санкт-Петербурга.

Настоящая работа вносит вклад в исследования краткосрочных эффектов пандемии коронавируса на занятость и доходы населения России. Авторы анализируют различные социально-демографические и экономические факторы вероятности потери работы и сокращения трудовых доходов. В исследовании также рассматриваются риски снижения доходов домохозяйств. Дополнительно в работе тестируется предположение о негативном влиянии уязвимой занятости на занятость и доходы населения в условиях кризиса нового типа, выдвинутое авторами два года назад в работе [Kartseva, Kuznetsova, 2020]. Уязвимая занятость определяется с учетом трех основных направлений, по которым эпидемиологические ограничения могут влиять на доходы работников: самозанятость/индивидуальное предпринимательство, занятость в наиболее пострадавших от эпидемии отраслях и неустойчивость занятости. Результаты работы могут быть полезны при разработке мер социальной поддержки населения в условиях эпидемиологического кризиса.

Статья имеет следующую структуру: во втором разделе подробно описаны данные, являющиеся эмпирической базой исследования, представлены основные принципы построения переменных.

Третий раздел посвящен методологии исследования. В четвертом разделе обсуждаются результаты работы. Основные выводы исследования сформулированы в заключительном, пятом разделе.

2. Данные и описательные статистики. Построение переменных

2.1 Данные. Описательные статистики

Эмпирической базой исследования являются панельные данные 28-го и 29-го раундов Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ НИУ ВШЭ) за 2019–2020 гг. Обследование РМЭЗ НИУ ВШЭ представляет собой ежегодный опрос населения, проводимый на базе вероятностной стратифицированной многоступенчатой территориальной выборки¹. Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ содержат подробную информацию о социально-демографических и экономических характеристиках респондента и его домохозяйства. В частности, существенные блоки вопросов обследования посвящены занятости респондента на рынке труда и доходам его домохозяйства. Немаловажным фактором выбора эмпирической основы работы стала панельная структура обследования РМЭЗ НИУ ВШЭ. Панельная структура данных позволяет провести анализ изменений занятости и экономического положения населения на микроуровне, выявить социально-демографическую вариацию этих изменений. Дополнительно для контроля региональных характеристик в работе используются агрегированные показатели, публикуемые Росстатом (стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг, величина прожиточного минимума, уровень безработицы) [Росстат, 2022].

При изучении изменений характеристик занятости основным фокусом работы являются люди, которые в 2019 г. находились в трудоспособном возрасте (женщины 18–54 лет и мужчины 18–59 лет). Для того чтобы оценить влияние пандемии на занятость, мы ограничили выборку теми индивидами, которые в 2019 г. имели оплачиваемую занятость на рынке труда. В выборку вошли только те респонденты, информация о которых присутствовала в данных как 2019 г., так и 2020 г. Общий объем выборки исследования составил 5784 индивида. Распределение респондентов по основным социально-демографическим группам, а также характеристики занятости респондентов в 2019 г. представлены в таблицах П1 и П2 Приложения.

В работе также было проведено исследование изменения доходов домохозяйств. В ходе анализа данные РМЭЗ НИУ ВШЭ по домохозяйствам были объединены с данными по индивидам, что позволило совместить информацию о доходах домохозяйства и занятости их членов. Объектом исследования в данном случае является домохозяйство. Критерием отбора в выборку было наличие для домохозяйства сведений о доходах в 2019 г. и 2020 г., а также значений независимых переменных, включенных в регрессионный анализ. Окончательный размер выборки составил 6198 домохозяйств. Основные социально-демографические характеристики домохозяйств представлены в таблице П3 Приложения.

Отдельной задачей работы является проверка гипотезы о влиянии уязвимости занятости на вероятность ухудшения положения человека на рынке труда и снижения доходов его домохозяйства в условиях пандемии COVID-19, выдвинутой в работе авторов [Kartseva, Kuznetsova, 2020]. В контексте пандемии уязвимыми считаются работники следующих трех групп:

- самозанятые и индивидуальные предприниматели;
- наемные работники негосударственных предприятий наиболее пострадавших от пандемии отраслей (транспорта, культуры, досуга и развлечений, физической культуры

¹ Подробно ознакомиться с описанием РМЭЗ НИУ ВШЭ и получить микроданные обследования можно на сайте НИУ ВШЭ www.hse.ru/rhms

и спорта, туризма и гостиничного бизнеса, торговли, общественного питания, бытовых услуг и образования)¹;

- работники с неустойчивой занятостью [Kartseva, Kuznetsova, 2020]. При этом неустойчивость занятости определяется согласно подходу, предложенному в работах [Бобков, 2017; Бобков и др., 2017]. Занятость работника неустойчива, если она имеет хотя бы один из следующих признаков: низкая заработная плата (менее регионального прожиточного минимума); неофициальная заработная плата; отсутствие официального контракта; задержка заработной платы; уменьшение зарплаты, недобровольное сокращение часов работы; вынужденный неоплачиваемый отпуск.

В работе строится индикатор уязвимой занятости, принимающий значение 1, если работник принадлежит хотя бы к одной из вышеперечисленных групп, и 0 в противном случае. В 2019 г. у половины работников (50,4%) занятость была признана уязвимой (см. табл. П2 в Приложении).

2.2 Потеря работы и снижение заработной платы

Потеря работы

Мы полагаем, что человек потерял работу, если в 2019 г. у респондента была работа, а в 2020 г. он стал незанятым (вне зависимости от того, стал он безработным или вышел из состава рабочей силы). Согласно проведенным расчетам, работу в 2020 г. потеряли 6,9% людей, имевших оплачиваемую занятость в 2019 г. Относительно чаще работу теряли женщины, молодежь (16–29 лет), люди с низким уровнем образования (общее среднее и ниже), жители мегаполисов и многодетные родители (см. табл. П4 в Приложении). В контексте характеристик занятости относительно чаще работу теряли работники таких отраслей, как торговля, бытовое обслуживание, организация общественного питания, гостиничный бизнес, работники с низким уровнем квалификации, самозанятые, работники с низкой оплатой труда (см. табл. П5 в Приложении).

Снижение заработной платы

При анализе изменения заработной платы мы сравниваем заработную плату работника в 2019 г. с его заработной платой в 2020 г. (анализ проводится только для тех работников, кто сохранил занятость в 2020 г.). При этом для региональной сопоставимости номинальные показатели заработной платы корректируются с учетом стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг в регионе. Для межвременной сопоставимости заработная плата в 2020 г. приводится к ценам 2019 г. В анализе мы не учитываем потенциальный рост заработной платы, который мог бы произойти в отсутствие пандемии.

По сравнению с 2019 г. в 2020 г. зарплата сократилась у 58% работников. В среднем размер сокращения заработной платы составил 16%. Для исключения ошибок, связанных с погрешностью измерения заработной платы, в работе в качестве критерия снижения заработной платы мы используем 10% сокращение размера оплаты труда. Другими словами, мы полагаем, что заработная плата работника снизилась, если его зарплата в 2020 г. была на 10% и более ниже, чем в 2019 г.² Согласно этому критерию, зарплата снизилась у каждого четвертого

1 Список наиболее пострадавших отраслей был определен правительством России. URL: <https://www.rbc.ru/business/30/03/2020/5e819d039a7947925edc003a> (дата обращения: 15.06.2022).

2 Для проверки устойчивости результатов в работе также использовались 5% и 20% критерии снижения заработной платы. Полученные оценки принципиально не меняются. Подробные результаты анализа, проведенного с использованием этих критериев, могут быть высланы по запросу.

работника (25%). Вероятность снижения заработной платы мало различается в разрезе отдельных социально-демографических групп работников (см. табл. П4 в Приложении). Несколько чаще зарплата снижалась у мужчин, работников среднего возраста (30–44 лет), работников с высшим образованием, а также у жителей крупных городов. С точки зрения характеристик занятости относительно более высокая доля работников, испытавших снижение заработной платы, отмечается среди занятых в торговле, бытовом обслуживании, общественном питании, гостиничном бизнесе, строительстве, транспорте и связи, среди самозанятых (см. табл. П5 в Приложении).

2.3 Доходы домохозяйств. Описательные статистики

Основой анализа изменения доходов домохозяйств в условиях пандемии в работе является показатель подушевых доходов домохозяйства, определяемый как отношение совокупного номинального дохода домохозяйства к количеству его членов. Мы сравниваем подушевые доходы домохозяйства в 2019 г. и в 2020 г. По аналогии с заработной платой для обеспечения межвременной и межрегиональной сопоставимости подушевые доходы корректируются с учетом стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг в регионе и приводятся к ценам 2019 г.

Следует отметить, что особенности сбора данных РМЭЗ о доходах могут оказывать влияние на оценку последствий пандемийного кризиса. Дело в том, что информация о доходах в рамках данного обследования собирается в конце года и касается их размера за 30 дней, предшествующих опросу. В связи с этим, сравнивая 2019 г. и 2020 г., мы не можем учесть ту материальную помощь, которая оказывалась в разгар пандемии и карантина различным категориям домохозяйств, в том числе и семьям с детьми. Таким образом, наши сравнения в большей степени ориентированы на оценку более долгосрочных последствий эпидемиологического кризиса.

В целом по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ подушевые доходы домохозяйств в 2020 г. по сравнению с 2019 г. сократились у 53% домохозяйств. Средний размер сокращения составил 20%. В работе были рассмотрены три варианта индикатора снижения подушевых доходов домохозяйств: на 10% и более, 20% и более, 30% и более. Расширенный ряд показателей снижения доходов позволяет нам получить представление об устойчивости влияния различных факторов, а также о том, насколько они связаны с более слабыми или, наоборот, более сильными шоками доходов.

В 2020 г. с сокращением доходов на 10% и выше столкнулись 31% домохозяйств, на 20% и более — 20% домохозяйств, на 30% и более — 13% домохозяйств (табл. П6 в Приложении). Чаще снижались доходы у семей с несовершеннолетними детьми, у домохозяйств, проживающих в крупнейших городах и региональных центрах, а также у домохозяйств, имеющих в своем составе работающих, особенно тех, чья занятость является уязвимой (табл. П6 в Приложении).

В наибольшей степени пострадали от снижения доходов в ковидный период семьи с высоким уровнем доходов. В качестве доходных групп мы рассматривали квинтили подушевых доходов домохозяйств в 2019 г. Оказалось, что относительно небольшое падение доходов, на 10% и более, в 2020 г. пережили около 17% беднейших домохозяйств и более половины домохозяйств из группы с наибольшими доходами. Существенное сокращение доходов также гораздо чаще наблюдается среди домохозяйств квинтиля с наибольшими доходами: примерно у 30% домохозяйств из пятой группы подушевые доходы за год сократились на 30% и более. Для сравнения: среди домохозяйств 1-го и 2-го квинтиля столь существенное сокращение доходов встречается гораздо реже, в 7–8% случаев. Таким образом, снижались доходы в основном у тех, кому было что терять.

3. Методология

Для выявления факторов риска потери работы и снижения заработной платы, а также риска снижения доходов домохозяйств недостаточно простого сопоставления средних показателей рисков по отдельным группам. Необходимо проведение эконометрического анализа, позволяющего определить значимость того или иного фактора при прочих равных характеристиках индивида/домохозяйства. Ниже кратко описаны модели, использующиеся в работе.

3.1 Риск потери работы

В работе был проведен эконометрический анализ социально-демографических и экономических факторов, определяющих вероятность потери работы в 2020 г. Напомним, что анализ проводится для тех индивидов, которые в 2019 г. имели оплачиваемую занятость. Была оценена следующая логит-модель (M1):

$$P(\text{lost}_i = 1 | x_i) = \Lambda(\text{dem}_i' \beta + \text{work}_i' \gamma + \delta \text{unreg}_i), \quad (1)$$

где lost_i — индикатор занятости индивида в 2020 г. (1 — есть работа, 0 — иначе), dem_i — вектор социально-демографических характеристик индивида и его домохозяйства, потенциально оказывающих влияние на его занятость (включает в себя такие показатели, как пол и возраст агента, его образование, место проживания, состояние в браке, наличие детей разных возрастов), work_i — вектор индикаторов, характеризующих занятость индивида в 2019 г. (включает в себя тип занятости индивида по общероссийскому классификатору занятий ОК 010-2014, индикаторы отраслевой принадлежности занятости, индикатор самозанятости и низкой заработной платы (ниже регионального прожиточного минимума за третий квартал 2019 г.)) и unreg_i — региональный уровень безработицы в 2020 г. Региональный уровень безработицы включен в набор объясняющих переменных при анализе характеристик занятости как фактор, характеризующий напряженность на локальном рынке труда, которая существенно варьирует между регионами РФ.

Для выявления значимости и масштаба эффекта уязвимости занятости на фактическую вероятность потери занятости в условиях пандемии в краткосрочном периоде в работе была оценена логит-модель (M2):

$$P(\text{lost}_i = 1 | x_i) = \Lambda(\text{dem}_i' \beta + \gamma \text{vulemp}_i + \delta \text{unreg}_i), \quad (2)$$

где lost_i — индикатор занятости индивида в 2020 г. (1 — есть работа, 0 — иначе), dem_i — вектор социально-демографических характеристик индивида и его домохозяйства, потенциально оказывающих влияние на его занятость (включает в себя такие показатели, как пол и возраст агента, его образование, место проживания, состояние в браке, наличие детей разных возрастов), vulemp_i — индикатор уязвимости занятости в 2019 г., а unreg_i — региональный уровень безработицы в 2020 г. В модель (2) не включаются характеристики занятости индивида, поскольку индикатор уязвимости занятости во многом строится на их основе.

3.2 Риск снижения заработной платы

Для тех людей, кто сохранил занятость в 2020 г., в работе была проведена оценка детерминантов вероятности снижения заработной платы. При этом использовались логит-модели (M3 и M4), аналогичные моделям, используемым для оценки риска потери работы:

$$P(\text{wage\_loss}_i = 1 | x_i) = \Lambda(\text{dem}_i' \beta + \text{work}_i' \gamma + \delta \text{unreg}_i), \quad (3)$$

$$P(wage\_loss_i = 1 | x_i) = \Lambda(dem_i'\beta + \gamma vulemp_i + \delta unreg_i), \quad (4)$$

где $wage\_loss_i$ — индикатор снижения заработной платы на 10% и более в 2020 г. (по сравнению с 2019 г.), dem_i — вектор социально-демографических характеристик индивида и его домохозяйства, $work_i$ — вектор индикаторов, характеризующих занятость индивида в 2019 г., $vulemp_i$ — индикатор уязвимости занятости в 2019 г., а $unreg_i$ — региональный уровень безработицы в 2020 г.

3.3 Риск снижения доходов домохозяйства

Для оценки факторов, оказывающих влияние на риски снижения доходов домохозяйств, также использовалась регрессионная логит-модель (M5):

$$P(hhinc\_loss_i = 1 | x_i) = \Lambda(hh_i'\beta), \quad (5)$$

где $hhinc\_loss_i$ — индикатор снижения подушевых денежных доходов домохозяйств на 10, 20 и 30% в 2020 г. (по сравнению с 2019 г.), hh_i — вектор характеристик домохозяйства в 2019 г., включающий в себя количество несовершеннолетних детей, количество членов семьи пенсионного возраста, количество уязвимых занятых, количество прочих занятых, тип населенного пункта, в котором проживает домохозяйство, и его принадлежность к одной из пяти квинтильных доходных групп в 2019 г.

4. Результаты

4.1 Потеря работы

В таблице 1 представлены результаты оценки логит-моделей факторов потери работы в условиях пандемии коронавируса (модели M1 и M2).

Проведенный эконометрический анализ показал наличие статистически значимой гендерной вариации вероятности потери работы: риск перехода в незанятость для женщин на 2 п.п. выше, чем для мужчин. В разрезе возрастных групп наибольший риск потери работы испытывали молодые люди (16–29 лет). Риск потери работы для молодых работников на 3 п.п. выше, чем для работников средней возрастной группы. Для старшей возрастной группы (45 лет и старше) вероятность потери занятости статистически не отличается от аналогичного показателя для средней возрастной группы.

Результаты исследования не выявили значимого влияния наличия супруга/партнера на риск потери работы. Наличие одного или двух несовершеннолетних детей также незначимо для вероятности потери работы. Однако если у работника трое и более детей, то вероятность потери работы для него статистически значимо выше, чем для того, у кого детей нет. В ходе дальнейшего анализа было выявлено, что данный эффект имеет место только для женщин: наличие у работницы трех и более детей увеличивает вероятность потери работы на 3 п.п. (результаты оценивания моделей M1 и M2 на подвыборках мужчин и женщин могут быть предоставлены по запросу).

Образование является важнейшим фактором сохранения занятости в период пандемии. Работники, не имеющие профессионального образования, на 2–4 п.п. (в зависимости от модели) чаще теряли работу по сравнению с работниками с высшим образованием. Аналогичный эффект отмечается для работников с начальным профессиональным образованием (3 п.п.).

В краткосрочной перспективе кризис, связанный с пандемией, в большей степени отразился на занятости жителей крупнейших городов (Москва, Санкт-Петербург). Для работников, проживающих в Москве и Санкт-Петербурге, риск потери работы в среднем значимо выше, чем для проживающих в областных центрах. Это во многом объясняется структурой занятости в крупнейших городах: в них высока доля сектора услуг, который в наибольшей степени пострадал во время пандемии. Работники городов, не являющихся региональными центрами, наоборот, испытывали несколько меньший риск потери работы, однако данный эффект имеет невысокую статистическую значимость.

Характеристики места работы респондента до пандемии оказывают значимое влияние на вероятность потери работы в кризисный период. Значимо более высокие риски потери работы отмечались для работников сфер торговли, гостеприимства, бытового обслуживания, организаций общественного питания. Неквалифицированные работники и работники среднего уровня квалификации чаще теряли работу по сравнению с высококвалифицированными работниками (на 5 п.п. и 3 п.п. соответственно). Кроме того, повышенный риск потери работы отмечался для самозанятых и работников с низкими трудовыми доходами.

Исследование подтвердило гипотезу, выдвинутую авторами в работе [Kartseva, Kuznetsova, 2020]: уязвимость занятости до пандемии оказывает статистически значимое негативное влияние на вероятность занятости в условиях пандемии (модель М2). Для работника, занятость которого была уязвима в 2019 г., вероятность потери работы в 2020 г. более чем на 5 п.п. выше, чем для остальных работников.

4.2 Снижение заработной платы

В таблице 1 также приводятся результаты эконометрического оценивания факторов риска снижения заработной платы в условиях пандемии (модели М3 и М4).

Проведенный анализ не выявил существенной вариации вероятности снижения заработной платы в разрезе гендерных и возрастных групп работников. Риск уменьшения заработка в условиях пандемии также практически одинаков для работников с разным уровнем образования. Несколько меньшая вероятность снижения заработной платы отмечается для работников со средним профессиональным образованием, однако этот результат имеет невысокую статистическую значимость. Наличие супруга/партнера не является значимым фактором вероятности снижения заработной платы. В отличие от риска потери работы вероятность снижения заработной платы статистически не отличается для работников (как для мужчин, так и для женщин) с детьми и без детей.

По сравнению с работниками, проживающими в региональных центрах, работающие из других городов (не являющихся региональными центрами) чаще испытывали снижение заработной платы. У занятых в сельской местности заработная плата, наоборот, снижалась относительно реже.

Отдельные характеристики места работы до пандемии значимо влияют на риск снижения заработной платы. Относительно большая вероятность снижения трудовых доходов отмечалась у занятых в таких отраслях, как торговля, гостиничный бизнес, бытовое обслуживание, общественное питание, строительство, транспорт и связь. У работников с низкой заработной платой вероятность снижения трудовых доходов существенно ниже, чем у работников с более высоким размером заработка. Тип занятости и квалификация работника не оказывают статистически значимого влияния на риск снижения заработной платы.

Уязвимость занятости является важнейшим значимым фактором снижения трудовых доходов. Вероятность снижения заработной платы у работников, чья занятость до пандемии была уязвимой, на 4 п.п. больше, чем для остальных работников.

Таблица 1. Результаты оценивания моделей факторов потери работы и снижения заработной платы, предельные эффекты

Факторы	Потеря работы		Снижение заработной платы	
	M1	M2	M3	M4
Социально-демографические характеристики индивида				
<i>Пол (базовая категория — мужчины)</i>				
Женщина	0,018** [0,007]	0,018** [0,007]	-0,017 [0,014]	-0,024 [0,019]
<i>Возраст респондента (базовая категория — 30–44 года)</i>				
16–29 лет	0,029*** [0,009]	0,028*** [0,009]	-0,019 [0,018]	-0,018 [0,018]
45–54/59 лет (женщины/мужчины)	0,004 [0,009]	0,009 [0,008]	-0,009 [0,016]	-0,013 [0,015]
<i>Образование респондента (базовая категория — высшее профессиональное образование)</i>				
Среднее общее и ниже	0,023** [0,011]	0,044*** [0,010]	-0,019 [0,023]	-0,031 [0,021]
Начальное профессиональное	0,009 [0,010]	0,027*** [0,009]	-0,016 [0,018]	-0,022 [0,016]
Среднее профессиональное	-0,002 [0,010]	0,008 [0,010]	-0,028* [0,017]	-0,035* [0,019]
<i>Место проживания респондента (базовая категория — региональные центры)</i>				
Москва, Санкт-Петербург	0,073*** [0,012]	0,071*** [0,012]	0,034 [0,025]	0,032 [0,025]
Другие города (не обл. центры)	-0,016* [0,009]	-0,012 [0,009]	0,036** [0,015]	0,028* [0,015]
Сельская местность	-0,006 [0,009]	0,006 [0,009]	-0,018 [0,017]	-0,033* [0,018]
<i>Статус в браке (базовая категория — не состоит в браке/партнерстве)</i>				
Состоит в браке/партнерстве	-0,009 [0,008]	-0,008 [0,008]	-0,010 [0,015]	-0,011 [0,016]
<i>Количество детей до 18 лет (базовая категория — нет детей)</i>				
1 ребенок	-0,005 [0,009]	-0,006 [0,008]	0,011 [0,015]	0,013 [0,015]
2 детей	0,003 [0,010]	0,005 [0,010]	0,005 [0,018]	-0,009 [0,018]
3 и более детей	0,023* [0,013]	0,022* [0,013]	0,004 [0,029]	0,003 [0,028]
Характеристики занятости индивида				
<i>Вид экономической деятельности (базовая категория — обрабатывающая промышленность)</i>				
Набор дамми-переменных	(+) торговля, услуги		(+) строительство; транспорт и связь; торговля, услуги	

Факторы	Потеря работы		Снижение заработной платы	
	М1	М2	М3	М4
<i>Квалификация (базовая категория — высокая квалификация (коды 1–3 по ОК 010-2014))</i>				
Неквалифицированные (код 9 по ОК 010-2014)	0,046*** [0,014]		-0,006 [0,030]	
Средняя квалификация (коды 4–8 по ОК 010-2014)	0,034*** [0,009]		-0,013 [0,016]	
<i>Тип занятости (базовая категория — наемные работники)</i>				
Самозанятые, индивидуальные предприниматели	0,035*** [0,010]		0,022 [0,022]	
<i>Трудовой доход</i>				
Трудовой доход ниже региональ- ного прожиточного минимума	0,049*** [0,010]		-0,199*** [0,038]	
<i>Уязвимость занятости</i>				
Уязвимая занятость		0,052*** [0,007]		0,038*** [0,067]
<i>Региональные характеристики рынка труда</i>				
Уровень общей безработицы	0,010*** [0,002]	0,010*** [0,002]	0,000 [0,005]	-0,000 [0,005]
Количество наблюдений	5535	5771	4960	4999

Примечание: ***, **, * — значимость на 1, 5 и 10% уровне соответственно. В скобках указаны стандартные ошибки.

4.3 Снижение доходов домохозяйств

В работе был проведен анализ факторов снижения доходов домохозяйств в 2020 г. по сравнению с 2019 г. В качестве зависимой переменной были рассмотрены три индикатора снижения душевых доходов домохозяйств (снижение на 10%, 20%, 30%). Включение в анализ нескольких вариантов индикатора позволяет увидеть факторы, связанные как с небольшими, так и с более существенными изменениями доходов.

В таблице 2 представлены результаты регрессионного анализа зависимости вероятности снижения доходов домохозяйств от социально-демографических и экономических характеристик домохозяйств и их членов. Показано, что присутствие в домохозяйстве несовершеннолетних детей значимо повышает риски снижения доходов, причем с увеличением числа детей вероятность столкнуться с падением доходов растет. Так, например, для семей с одним ребенком вероятность снижения доходов на 30% на 4 п.п. выше, чем для семей без детей, а для многодетных семей — на 14 п.п. Наличие в семье людей пенсионного возраста, напротив, оказывало небольшой сдерживающий эффект, снижая вероятность доходных шоков на 2–3 п.п. для семей с одним пенсионером и на 4–5 п.п. для семей с двумя и более пенсионерами.

Важнейшим фактором снижения доходов в 2020 г. оказались доходы домохозяйств накануне пандемии. Как уже говорилось при обсуждении описательных статистик (раздел 2 и табл. П6 Приложения), чаще теряли доходы более состоятельные семьи. Результаты регрессионного анализа подтверждают эту тенденцию. В частности, риски снижения доходов на 30% для домохозяйств беднейшего квинтиля оказались на 2 п.п. ниже, чем для третьей (средней) доходной группы, а для квинтиля с наиболее высокими доходами — на 26 п.п. больше. Для

падения доходов на 20% аналогичные значения составляют соответственно 7 п.п. и 28 п.п.; а для падения на 10% — 15 п.п. и 26 п.п. Возможное объяснение большего влияния пандемийного кризиса на доходы более богатых домохозяйств состоит в том, что такие домохозяйства в большей степени встроены в рынок труда и ориентированы на трудовые доходы, а также в них чаще проживают работающие в наиболее пострадавших от карантина отраслях. Наши результаты косвенно подтверждаются и зафиксированным официальной статистикой снижением доходного неравенства. Так, по данным Росстата, коэффициент Джини (мера неравенства для населения в целом) снизился с 0,412 в 2019 г. до 0,406 в 2020 г., а коэффициент фондов, измеряющий различия между децильными группами с максимальными и минимальными доходами, — с 15,5 до 14,8 [Росстат 2021], то есть сокращение неравенства произошло в большей степени за счет относительного снижения доходов наиболее богатых групп.

Более высокие риски снижения доходов отмечаются для домохозяйств, проживающих в крупнейших городах (значимы для небольших доходных шоков) и в сельской местности. Особо отметим, что на уровне описательных статистик более высокие риски падения доходов у сельских домохозяйств не были заметны: доля столкнувшихся со снижением доходов среди них несколько ниже, чем в среднем по выборке (см. табл. П6 Приложения). Это объясняется тем, что домохозяйства с более низкими доходами в 2019 г. реже сталкивались с их снижением в ходе пандемии. Включение в модель информации о доходах накануне пандемии позволяет лучше понять происходившее с более бедными домохозяйствами, к которым, в частности, относятся семьи, проживающие в сельской местности.

Влияние численности работающих членов домохозяйства на риски снижения доходов во время пандемии зависит от типа занятости. Так, присутствие в семье работников с уязвимой занятостью значимо повышает риски 10%-го снижения доходов. В то же время наличие в домохозяйстве прочих работников (занятость которых не является уязвимой) значимо снижает риски шока доходов: на 2–3 п.п. для семей с одним прочим занятым и на 4–5 п.п. для семей с двумя и более прочими занятыми. Отметим, что последний факт, как и в случае риска снижения доходов для сельских домохозяйств, не различим при анализе описательных статистик (29% семей в среднем по выборке и 32–34% семей с уязвимыми занятыми столкнулись со снижением доходов на 10% и более, см. табл. П6 приложения) и появляется лишь при включении в регрессионную модель информации о доходах домохозяйств накануне пандемии.

Таблица 2. Результаты регрессионного анализа факторов снижения подушевых доходов домохозяйств в 2020 г. по сравнению с 2019 г., логит-модель, предельные эффекты

Факторы	Подушевые доходы в 2020 г. снизились на:		
	10%	20%	30%
<i>Количество детей 0-17 лет (базовая категория — нет детей)</i>			
1 ребенок	0,066*** [0,016]	0,070*** [0,014]	0,041*** [0,012]
2 детей	0,122*** [0,021]	0,081*** [0,019]	0,049*** [0,017]
3 и более детей	0,220*** [0,034]	0,172*** [0,034]	0,137*** [0,032]
<i>Количество людей пенсионного возраста (базовая категория — нет пенсионеров)</i>			
1 пенсионер	-0,031** [0,014]	-0,025** [0,012]	-0,023** [0,010]
2 и более пенсионеров	-0,040** [0,017]	-0,031** [0,015]	-0,047*** [0,012]

Факторы	Подушевые доходы в 2020 г, снизились на:		
	10%	20%	30%
<i>Количество уязвимых занятых (базовая категория — нет уязвимых занятых)</i>			
1 уязвимый занятый	0,052*** [0,014]	0,035*** [0,012]	0,016 [0,010]
2 и более уязвимых занятых	0,044** [0,019]	0,014 [0,016]	0,001 [0,013]
<i>Количество прочих занятых (базовая категория — нет прочих занятых)</i>			
1 прочий занятый	-0,028** [0,013]	-0,035*** [0,011]	-0,036*** [0,010]
2 и более прочих занятых	-0,048*** [0,018]	-0,041*** [0,015]	-0,044*** [0,013]
<i>Тип населенного пункта (базовая категория — региональные центры)</i>			
Москва и СПб	0,040** [0,019]	0,005 [0,016]	0,004 [0,013]
Прочие города	0,019 [0,013]	0,008 [0,012]	-0,003 [0,010]
Село	0,079*** [0,016]	0,054*** [0,014]	0,033*** [0,013]
<i>Квintильная доходная группа (базовая категория — 3-я группа, средние доходы)</i>			
1-я группа (беднейшая)	-0,147*** [0,016]	-0,066*** [0,013]	-0,024** [0,010]
2-я группа	-0,057*** [0,017]	-0,039*** [0,014]	-0,017 [0,011]
4-я группа	0,118*** [0,019]	0,099*** [0,016]	0,062*** [0,013]
5-я группа	0,263*** [0,019]	0,280*** [0,018]	0,256*** [0,017]
Количество наблюдений	6198	6198	6198

Примечание: ***, **, * — значимость на 1, 5 и 10% уровне соответственно. В скобках указаны стандартные ошибки.

5. Выводы

В работе было проведено эконометрическое исследование краткосрочных эффектов эпидемиологического кризиса на занятость и доходы населения России. В частности, были определены факторы ухудшения положения работников на рынке труда, а именно факторы потери работы и снижения заработной платы. Показано, что наибольшая вероятность потери работы в первый год пандемии отмечалась у молодых работников (16–29 лет), работников без профессионального образования и работников с низкой оплатой труда, занятость которых традиционно является неустойчивой. При прочих равных молодые и низкоквалифицированные работники обладают меньшим специфическим человеческим капиталом, что позволяет фирме относительно легко увольнять таких работников в кризисных ситуациях и столь же легко нанимать их в период роста.

Так же, как и в других странах, в России в условиях пандемии женщины теряли работу чаще, чем мужчины. При этом наиболее высокие риски потери работы испытывали женщины

с тремя и более детьми. В значительной степени наблюдаемая гендерная вариация эффекта объясняется резко возросшим во время пандемии спросом на домашний труд (уход за детьми, ведение домашнего хозяйства). Таким образом, социально-демографические характеристики работника являются значимыми детерминантами потери работы во время коронавирусного кризиса. В то же время проведенное исследование не показало значимого влияния социально-демографических характеристик на вероятность снижения заработка для тех работников, кто сохранил занятость.

С точки зрения характеристик занятости высокие риски потери работы отмечались для работников наиболее пострадавших от коронавирусного кризиса отраслей. Кроме того, значимо более высокая вероятность потери работы наблюдалась для работников с низкой и средней квалификацией, самозанятых и индивидуальных предпринимателей, а также для работников с низким трудовым доходом. Для вероятности снижения трудовых доходов практически единственным значимым фактором риска оказалась занятость в отраслях, наиболее пострадавших от пандемии.

Проведенный анализ подтвердил выдвинутую авторами в [Kartseva, Kuznetsova, 2020] гипотезу о влиянии комплексного показателя уязвимой занятости на вероятность потери работы/снижения трудовых доходов работников. Данный показатель агрегирует информацию о трех рисках, наиболее актуальных в условиях пандемии: работа в наиболее пострадавших отраслях, самозанятость и неустойчивость занятости. Согласно полученным результатам, уязвимость занятости до пандемии увеличивает вероятность потери работы во время пандемии на 5 п.п., а вероятность снижения трудового дохода — на 4 п.п.

Необходимо отметить, что с точки зрения факторов риска для работников на рынке труда во время пандемии Россия мало отличается от зарубежных стран. В многочисленных работах по зарубежным странам выделяются практически те же, что и в России, группы занятых, имеющих повышенные риски потери занятости/снижения доходов в условиях пандемии: молодые работники, работники с низким уровнем образования/квалификации, женщины, родители с детьми, работники наиболее пострадавших отраслей [см., например, ILO, 2021; Adams-Prassl et al., 2020; Aum et al., 2020; Dang, Nguyen, 2021; Couch et al., 2022; Lopes, Carreira, 2022; Mongey et al., 2021; Pouliakas, Branka, 2020]. Результаты нашего исследования также подтверждают выводы, полученные для России [Гимпельсон, 2021; Тихонова, 2021]. Наша работа дополняет эти исследования, рассматривая отдельно факторы потери работы и сокращения трудовых доходов, а также анализируя влияние уязвимости занятости.

Дополнительно в ходе исследования были проанализированы факторы снижения поддушевых доходов домохозяйств. Наилучшим предиктором риска столкновения в 2020 г. с шоком доходов оказались доходы домохозяйств годом ранее: чем богаче семья, тем выше риск снижения доходов. Так, например, вероятность падения доходов на 30% для домохозяйств беднейшего квинтиля оказались на 2 п.п. ниже, чем для третьей (средней) доходной группы, а для квинтиля с наиболее высокими доходами — на 26 п.п. выше.

Несмотря на беспрецедентные меры, направленные на поддержание доходов семей с детьми во время пандемии, семьи с несовершеннолетними детьми при прочих равных были сильнее затронуты кризисом доходов. Полученные результаты подтверждают прогнозные оценки изменения доходов семей с детьми, полученные в работе [Пишняк и др., 2021] с помощью микромоделирования: компенсационные выплаты смягчают влияние кризиса для семей с детьми, но не нивелируют его полностью. Наличие в домохозяйстве пенсионеров уменьшает риск падения поддушевых доходов, что во многом объясняется стабильностью их доходов.

Присутствие в домохозяйстве уязвимых занятых значимо увеличивает риски снижения доходов, а присутствие прочих занятых, наоборот, значимо их снижает.

Что касается позиционирования выявленных нами факторов падения доходов домохозяйств в контексте более ранних исследований, то можно отметить как совпадения, так и определенные различия. К совпадениям относятся значимо более высокие риски падения доходов для домохозяйств с детьми [Vilar-Compte et al., 2022; Alstadsæter et al., 2020; Гришина, 2021]; для домохозяйств работающих, чей статус ухудшился в ходе кризиса [Morgan, Trinh, 2021], в нашем случае это уязвимые занятые; для домохозяйств, проживающих в крупнейших городах [Гришина, 2021].

Новые результаты состоят в том, что в наибольшей мере в 2020 г. пострадали домохозяйства с более высокими доходами. В работах, выполненных на данных для других стран, характер взаимосвязи иной: либо более высокие риски для бедных [Vilar-Compte et al., 2022], либо отсутствие существенной зависимости между доходами накануне кризиса и риском их падения [Morgan, Trinh, 2021; Long et al., 2021]. Более того, нам удалось показать, что контроль доходов домохозяйств накануне кризиса позволяет уточнить влияние ряда факторов, в частности, выявить повышенные риски для домохозяйств, проживающих в сельской местности, а также меньшую вероятность потерять доходы для домохозяйств, в состав которых входят работники, чья занятость не является уязвимой.

Важным ограничением работы является невозможность проведения анализа изменений занятости и доходов населения, которые происходили в течение года между двумя раундами обследования. Данное ограничение связано с особенностями данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Список литературы

- Бобков В.Н. (2017) Неустойчивая занятость в формальной экономике России — основная причина неформальной занятости // *Уровень жизни населения регионов России*: 13(1): 7-16. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vcugjournal/article/view/8207>
- Бобков В.Н., Квачев В.Г., Локтюхина Н.В., Риччери М. (2017) Критерии, вероятность и степень неустойчивости занятости с учетом особенностей российского рынка труда // *Экономика региона*: 13(3): 672-83. <https://doi.org/10.17059/2017-3-3>
- Гимпельсон В.Е. (2021) Зарплата и потоки на российском рынке труда в условиях ковида. Препринт WP3/2021/10. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Москва: Изд. дом Высшей школы экономики. Серия WP3 «Проблемы рынка труда». URL: https://wp.hse.ru/data/2021/12/13/1776209980/WP3_2021_10____.pdf
- Гришина Е.Е. (2021) Эпидемиологический кризис 2020 г.: материальное положение населения и меры поддержки // *Народонаселение*: 24(1): 15-23. <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.1.2>
- Пишняк А., Горина Е., Корчагина И., Тер-Акопов С. (2021) Материальное положение россиян в условиях пандемии: влияние государственной поддержки // *Экономическая политика*: 16(6): 70-93. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2021-6-70-93>
- Тихонова Н.Е. (2021) Последствия кризиса 2020–2021 гг. для различных профессиональных групп российского общества // *Социологический журнал*: 27(2): 46–67. <https://doi.org/10.19181/socjour.2021.27.2.8086>
- Adams-Prassl A., Boneva T., Golin M., Rauh C. (2020) Inequality in the impact of the coronavirus shock: Evidence from real time surveys // *Journal of Public Economics* 189: 104245. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2020.104245>
- Albanesi S., Kim J. (2021) Effects of the COVID-19 recession on the US labor market: Occupation, family, and gender // *Journal of Economic Perspectives* 35(3): 3–24. <https://doi.org/10.1257/jep.35.3.3>
- Almeida V., Barrios S., Christl M., De Poli S., Tumino A., van der Wielen W. (2021) The impact of COVID-19 on households' income in the EU // *The Journal of Economic Inequality* 19(3): 413–31. <https://doi.org/10.1007/s10888-021-09485-8>

- Alon T., Doepke M., Olmstead-Rumsey J., Tertilt M. (2020) The Impact of COVID-19 on Gender Equality. Covid Economics: Vetted and Real-Time Papers, Issue 4, London: CEPR Press.
- Alstadsæter A., Bratsberg B., Eielsen G., Kopczuk W., Markussen S., Raaum O., Røed K. (2020) The first weeks of the coronavirus crisis: Who got hit, when and why? Evidence from Norway / NBER Working Papers 27131, National Bureau of Economic Research, Inc. <https://doi.org/10.3386/w27131>
- Aum S., Lee S.Y., Shin Y. (2020) COVID-19 doesn't need lockdowns to destroy jobs: The effect of local outbreaks in Korea // *Labour Economics* 70: 101993. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2021.101993>
- Béland L.-P., Brodeur A., Wright T. (2020) The Short-Term Economic Consequences of Covid-19: Exposure to Disease, Remote Work and Government Response. IZA Discussion Paper No. 13159. URL: <https://ssrn.com/abstract=3584922>
- Bradley J., Ruggieri A., Spencer A.H. (2021) Twin Peaks: Covid-19 and the labor market // *European Economic Review* 138: 103828. <https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2021.103828>
- Bundervoet T., Dávalos M.E., García N. (2021) The short-term impacts of COVID-19 on households in developing countries: An overview based on a harmonized dataset of high-frequency surveys // *World Development* 153: 105844. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2022.105844>
- Christelis D., Georgarakos D., Jappelli T., Kenny G. (2020) The Covid-19 crisis and consumption: Survey evidence from six EU countries / Working Paper Series No 2507. European Central Bank. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3751097>
- Couch K.A., Fairlie R.W., Xu H. (2022) The evolving impacts of the COVID-19 pandemic on gender inequality in the US labor market: The COVID motherhood penalty // *Economic Inquiry* 60(2): 485-507. <https://doi.org/10.1111/ecin.13054>
- Dang H.-A.H., Nguyen C.V. (2021) Gender inequality during the COVID-19 pandemic: Income, expenditure, savings, and job loss // *World Development* 140: 105296. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2020.105296>
- Kansiime M.K., Tambo J.A., Mugambi I., Bundi M., Kara A., Owuor C. (2021) COVID-19 implications on household income and food security in Kenya and Uganda: Findings from a rapid assessment // *World Development* 137: 105199. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2020.105199>
- Kartseva M.A., Kuznetsova P.O. (2020) The economic consequences of the coronavirus pandemic: which groups will suffer more in terms of loss of employment and income? // *Population and Economics* 4(2): 26-33. <https://doi.org/10.3897/popecon.4.e53194>
- Long W., Zeng J., Sun T. (2021) Who Lost Most Wages and Household Income during the COVID-19 Pandemic in Poor Rural China? // *China & World Economy* 29(6): 95-116. <https://doi.org/10.1111/cwe.12396>
- Lopes A.S., Carreira P. (2022) COVID-19 impact on job losses in Portugal: who are the hardest-hit? // *International Journal of Manpower* 43(5): 1265-82. <https://doi.org/10.1108/IJM-06-2021-0384>
- Mongey S., Pilossoph L., Weinberg A. (2021) Which workers bear the burden of social distancing? // *Journal of Economic Inequality* 19: 509-26. <https://doi.org/10.1007/s10888-021-09487-6>
- Morgan P.J., Trinh L.Q. (2021) Impacts of COVID-19 on Households in ASEAN Countries and Their Implications for Human Capital Development / ADBI Working Papers: 1226. Asian Development Bank Institute. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/688271/adbi-wp1226.pdf>
- Pinkovetskaia I. (2022) Impact of Covid-19 pandemic on household income: results of a survey of the economically active population // *Studia Universitatis „Vasile Goldis” Arad — Economics Series* 32(1): 43-57. URL: <https://doi.org/10.2478/sues-2022-0003>
- Pouliakas K., Branka J. (2020) EU jobs at highest risk of COVID-19 social distancing: will the pandemic exacerbate labour market divide? / IZA Working Paper 13281. IZA — Institute for Labor

- Economics, Bonn. URL: <https://www.iza.org/publications/dp/13281/eu-jobs-at-highest-risk-of-covid-19-social-distancing-will-the-pandemic-exacerbate-labour-market-divide>
- Vilar-Compte M., Hernández-F M., Gaitán-Rossi P., Pérez V., Teruel G. (2022) Associations of the COVID-19 pandemic with social well-being indicators in Mexico // International Journal for Equity Health 21: 74. <https://doi.org/10.1186/s12939-022-01658-9>
- Webster A., Khorana S., Pastore F. (2022) The labour market impact of COVID-19: early evidence for a sample of enterprises from Southern Europe // International Journal of Manpower 43(4): 1054-82. <https://doi.org/10.1108/IJM-04-2021-0222>
- Yasenov V.I. (2020) Who Can Work from Home? / IZA Discussion Paper No. 13197. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3590895>

Другие источники данных

- Росстат (2021) Российский статистический ежегодник. Статистический сборник. https://gks.ru/bgd/regl/b21_13/Main.htm (дата обращения: 01.07.2022)
- Росстат (2022) Регионы России. Социально-экономические показатели — 2021 г. https://gks.ru/bgd/regl/b21_14p/Main.htm (дата обращения: 01.07.2022)
- Eurostat (2020) Impact of COVID-19 on employment income - advanced estimates https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Impact_of_COVID-19_on_employment_income_-_advanced_estimates (дата обращения: 01.07.2022)
- ILO (International Labor Organization) (2021) ILO Monitor: COVID-19 and the world of work. 7th edition. https://www.ilo.org/global/topics/coronavirus/impacts-and-responses/WCMS_767028/lang--en/index.htm
- IMF (International Monetary Fund) (2021) Recovery during a Pandemic: Health Concerns, Supply Disruptions, and Price Pressures. Washington, DC. <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/10/12/world-economic-outlook-october-2021>
- World Bank (2022) World Development Report 2022: Finance for an Equitable Recovery. Washington, DC: World Bank. <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/36883>

Приложение

Таблица П1. Распределение респондентов по основным социально-демографическим группам, 2019 г.

Группа (на 2019 г.)	Доля в выборке, %
	<i>Пол</i>
Женщина	51,7
	<i>Возраст</i>
16–29 лет	17,8
30–44 лет	51,8
45+ лет	30,4
	<i>Образование</i>
Общее среднее и ниже	12,4
Начальное профессиональное	28,2
Среднее профессиональное	23,2
Высшее профессиональное	36,2

Группа (на 2019 г.)	Доля в выборке, %
<i>Место проживания</i>	
Мегаполисы (Москва, СПб)	10,6
Областные центры	34,5
Другие города	27,8
Сельская местность, ПГТ	27,1
<i>Состояние в браке</i>	
Состоит в браке/партнерстве	75,6
<i>Количество детей до 18 лет</i>	
Нет детей	40,2
1 ребенок	32,0
2 детей	21,3
3 и более детей	6,5

Таблица П2. Характеристики занятости респондентов, 2019 г.

Группа (на 2019 г.)	Доля в выборке, %
<i>Вид экономической деятельности</i>	
Сельское хозяйство	3,9
Обрабатывающая промышленность	16,7
Строительство	7,7
Транспорт и связь	9,9
Образование, наука, культура	13,5
Здравоохранение, социальное обслуживание	7,5
Финансы, недвижимость, юриспруденция	4,2
Госуправление	2,3
Торговля, бытовое обслуживание, организация общественного питания, гостеприимство	24,3
ЖКХ	3,7
Другое	6,5
<i>Квалификация</i>	
Неквалифицированные (код 9 по ОК 010-2014)	6,6
Средняя квалификация (коды 4–8 по ОК 010-2014)	49,0
Высокая квалификация (коды 1–3 по ОК 010-2014)	44,4
<i>Тип занятости</i>	
Самозанятые, индивидуальные предприниматели	9,5
<i>Трудовой доход</i>	
Ниже регионального прожиточного минимума	8,1
<i>Уязвимость занятости</i>	
Занятость является уязвимой	50,4

Таблица П3. Распределение домохозяйств по основным социально-демографическим характеристикам

Группа (на 2019 г.)	Доля в выборке, %
<i>Количество детей до 18 лет</i>	
Нет детей	64
1 ребенок	19,7
2 детей	0
3 и более детей	12,2
<i>Количество пенсионеров</i>	
Нет	46
1 пенсионер	36,4
2 и более пенсионеров	17,6
<i>Место проживания</i>	
Мегаполисы (Москва, СПб)	11,8
Областные центры	32
Другие города	33,1
Сельская местность, ПГТ	23
<i>Количество уязвимых занятых</i>	
Нет	58,5
1 уязвимый занятый	29,7
2 и более уязвимых занятых	11,8
<i>Количество прочих занятых</i>	
Нет	56,1
1 прочий занятый	30,8
2 и более прочих занятых	13,1
<i>Доходная группа</i>	
1-я (низкие доходы)	20
2-я	19,6
3-я	19,6
4-я	19,8
5-я (высокие доходы)	21

Таблица П4. Доля потерявших работу и доля, испытавших снижение заработной платы, в разрезе основных социально-демографических групп, 2020 г. по сравнению с 2019 г.

Группа (на 2019 г.)	Потерял работу, %	Зарплата сократилась на 10% и более, %
Все работники	6,9	24,8
<i>Пол</i>		
Мужчины	6,2	26,4
Женщины	7,7	23,3
<i>Возраст</i>		
16-29 лет	9,9	23,8
30-44 лет	6,1	25,9
45+ лет	6,5	23,6

Группа (на 2019 г.)	Потерял работу, %	Зарботная плата сократилась на 10% и более, %
<i>Образование</i>		
Общее среднее и ниже	11,9	24,1
Начальное профессиональное	7,8	25,0
Среднее профессиональное	6,0	22,7
Высшее профессиональное	5,1	26,4
<i>Место проживания</i>		
Мегаполисы (Москва, СПб)	11,9	28,3
Областные центры	6,5	24,9
Другие города	4,9	27,3
Сельская местность, ПГТ	7,5	20,9
<i>Состояние в браке</i>		
Состоит в браке/партнерстве	6,4	24,8
<i>Количество детей до 18 лет</i>		
Нет детей	7,3	24,1
1 ребенок	6,1	25,7
2 детей	6,5	25,4
3 и более детей	10,1	24,0

Таблица П5. Доля потерявших работу и доля испытавших снижение заработной платы, в разрезе характеристик занятости до пандемии, 2020 г. по сравнению с 2019 г.

Группа (на 2019 г.)	Потерял работу, %	Зарботная плата сократилась на 10% и более, %
Все работники	6,9	24,8
<i>Вид экономической деятельности</i>		
Сельское хозяйство	8,1	24,9
Обрабатывающая промышленность	5,7	22,8
Строительство	7,7	31,9
Транспорт и связь	5,8	27,4
Образование, наука, культура	5,5	21,2
Здравоохранение, социальное обслуживание	4,4	20,8
Финансы, недвижимость, юриспруденция	5,5	27,3
Госуправление	5,3	16,1
Торговля, бытовое обслуживание, организация общественного питания, гостеприимство	9,7	28,0
ЖКХ	8,6	19,1
Другое	5,9	25,6

Группа (на 2019 г.)	Потерял работу, Зарплата сократилась	
	%,	на 10% и более, %
<i>Квалификация</i>		
Неквалифицированные (код 9 по ОК 010-2014)	12,4	22,1
Средняя квалификация (коды 4–8 по ОК 010-2014)	8,3	24,9
Высокая квалификация (коды 1–3 по ОК 010-2014)	4,5	25,1
<i>Тип занятости</i>		
Самозанятые, индивидуальные пред- приниматели	12,6	27,8
<i>Трудовой доход</i>		
Ниже регионального прожиточного минимума	15,3	9,6
<i>Уязвимость занятости</i>		
Занятость является уязвимой	9,6	26,8

Таблица П6. Доля домохозяйств, испытавших снижение доходов, в зависимости от социально-демографических характеристик

Группа (на 2019 г.)	Снижение душевых доходов на:		
	10%	20%	30%
Все население	30,9	19,9	13,2
<i>Количество детей до 18 лет</i>			
Нет детей	29,6	19,0	12,9
1 ребенок	32,8	22,8	14,5
2 детей	32,1	18,7	11,6
3 и более детей	36,5	23,3	16,9
<i>Количество пенсионеров</i>			
Нет	34,6	23,0	15,9
1 пенсионер	28,1	17,6	11,9
2 и более пенсионеров	26,1	15,9	8,7
<i>Место проживания</i>			
Мегаполисы (Москва, СПб)	34,5	21,1	15,0
Областные центры	31,6	21,3	14,7
Другие города	29,4	18,7	11,8
Сельская местность, ПГТ	29,9	19,0	12,3
<i>Количество уязвимых занятых</i>			
Нет	26,8	16,9	11,2
1 уязвимый занятый	36,1	24,0	16,0
2 и более уязвимых занятых	37,9	24,4	16,4

Группа (на 2019 г.)	Снижение подушевых доходов на:		
	10%	20%	30%
<i>Количество прочих занятых</i>			
Нет	28,9	18,6	12,7
1 прочий занятый	33,8	21,6	14,0
2 и более прочих занятых	32,3	21,3	13,3
<i>Доходная группа</i>			
1-я (низкие доходы)	16,5	10,7	7,5
2-я	22,5	11,4	6,5
3-я	26,6	14,3	7,6
4-я	36,7	22,6	12,8
5-я (высокие доходы)	50,7	39,3	30,6

Информация об авторах

- Марина А. Карцева, к.э.н., старший научный сотрудник Института социального анализа и прогнозирования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, 119571, Россия. Email: mkartseva@mail.ru
- Полина О. Кузнецова, к.э.н., старший научный сотрудник Института социального анализа и прогнозирования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, 119571, Россия. Email: polina.kuznetsova29@gmail.com

Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.